

Книги Константина Калбазова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ
РЫЦАРЬ. СТЕПЬ
РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ
РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

РЫЦАРЬ.
ЕРЕТИК

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 761

Художник
С. А. Григорьев

Калбазов К. Г.
К17 Рыцарь. Еретик: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 311 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1144-3

Человеческие государства под ударом. Враг стремительно продвигается к сердцу людских королевств. Прославленная рыцарская конница пала, цвет воинства превратился в прах. В сердцах людей поселился страх и отчаяние. Нет, они не сложили оружия и будут сражаться до последней возможности, но есть ли сила, способная остановить захватчиков и поворотить их вспять?

Он не мессия, он не собирается сражаться один с врагами людей, он не хочет сражаться за них. Он может уйти, но не может бросить тех немногих, кто стал ему дорог. Он — это наш современник Андрей Новак, волей судьбы заброшенный в этот странный мир, который успел полюбить. Чтобы спасти своих близких, он готов предавать, готов идти по трупам, обагрив по локоть свои руки кровью, как людской, так и орочьей... Он готов на многое, так как не видит иного выхода.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1144-3

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

БАБКА АРИЯ

— Кто там? — Голос старухи Арии звучал глухо и надтреснуто. В нем чувствовались страх и напряжение. Было отчего.

Еще с утра по селу пошли нехорошие разговоры о том, что старая знахарка не просто лекарка-травница, повитуха и во всех болезнях сведуща: она, оказывается, колдунья и навела порчу на невестку старосты, вот та и занедужила, разродившись мертвым ребенком, да и сама богу душу отдала.

Об этом на всю округу трезвонил староста, поддерживаемый как своими близкими, так и близкими невестки. Оно и понятно — народиться должен был первый внук, и ведь мальчонка должен был появиться у старшего сына, только год назад женившегося, да и сваты его тоже сильно убивались: покойница была их отрадой, единственная дочь, среди четырех оболтусов возвращенная. Были у них и еще дети — двое мальчонок и три девочки, да Господь прибрал невинные души еще в младенчестве. В общем, горе у людей, понятно. Но почему ее-то клеймить связью с нечистым?

Все бы ничего, такое уже было, и не единожды. Не всех удавалось выволить из лап костлявой. Да только в этот раз, похоже, было так же серьезно, как и с ее дочкой, которую вознесли на костер за колдовство. А что она-то сделала? Вылечила бродяжку, прибившегося к ним совсем хворым, а тот, поди ж ты, оказался беглым еретиком. Вот и обвинили ее в пособничестве слуге са-

таны: тот-де от гнева Божьего помереть должен был в горячке, а она, прислужница нечистого, своего соратника с того света-то и вынула, чтобы тот и дальше нес ученье сатанинское. А разве ж лекарка настоящая могла пройти мимо болящего да помощь посильную не оказать, если Господь ей дал силы и знания?

Тогда старуха попыталась в сторонке отмолчаться, дочке помочь не могла — сама бы сгинула, да все бы ничего, вот только внучка на ней осталась. Кто о сиротке позаботится, кому она нужна, коли и мать, и бабка инквизицией за колдовство казнены? Хотела отмолчаться, да только и ее к ответу призвали. Она тогда глянула в скорбные глаза дочери и прочла в них и горе, и мольбу, и волю последнюю. Стала она против дочери свидетельствовать — тем и сама спаслась, и внучку без присмотра не оставила.

Она тогда боялась смотреть в глаза дочери. Только когда ее на костер вознесли, она и решилась хоть в последний раз взглянуть на дочь, и взгляды их встретились. К хворосту уже факел подносят, а дочка на нее пристально смотрит, и не было в том взгляде ни осуждения, ни проклятий, а только любовь и благодарность. Три года минуло, а крик дочери, когда пламя к ней подобралось, и по сей день в ушах стоит.

Оно, казалось бы, и ничего, пошумит староста да родственники его — и все пройдет. Осадок, конечно, останется, но всем люб не будешь. Но, видать, не в этот раз. Хотя инквизиторских дознавателей пока и не было, но священник их приходский как-то так вскользь помянул дочь ее: мол, если дочка служкой сатаны оказалась, так ее кто-то научить этому должен был. А кто ж ее лекарскому делу-то учил? Ясное дело, бабка Ария. И по всему выходило, что в селе завелось гнездо сатанинское. А к какому выводу могли еще прийти крестьяне, если даже падре на то указывает? Вот и выходит, что если сам же падре за нее не заступится, то ее без суда Божьего на костер вознесут, да еще и внучку ее шестигодовалую вместе с ней пристроят. Бывало уже такое. И никто их

не осудит, а еще и весть разнесут о том, что селяне, мол, сами сатанинское отродье извели.

Бежать нужно было. Да куда она могла бежать-то? Годы не те. Внучку жалко. Если за самой Арией грехи водились — а кто без греха, — то дите было совсем безгрешно. Нежно прижимая к себе маленькое тельце, бабушка для себя уже решила, что как только поймет, что выхода нет, то сначала внучку зельем опоит, а потом и сама вослед отправится. Как-нибудь уж вымолит она у Господа, чтобы он внучку в рай забрал, а сама... Куда ж детоубийце — гореть ей в геенне огненной, но то ничего, вот лишь бы внучку...

— Бабушка, откройте, — настойчиво доносился из-за двери голос. Незнакомый голос. За многие годы она, почитай, каждого в селе в этот мир приняла, да с хворями через нее прошли все, так что и в этом селе, и в лежащих окрест она знала всех. А вот этот голос был незнаком. Молодой такой, сильный.

— Дак спрашиваю же, кто?

— Уж не жечь вас пришел точно: тем, кто пожечь вас хочет, стучаться незачем — не такая уж и крепкая дверь, вышибут на раз.

А что тут скажешь, прав парень, как есть прав. Дверка и впрямь хлипенькая, а крепкая-то и не нужна была никогда. Домик ее стоял на отшибе, у кромки леса: сколько добра они с дочерью за многие годы селянам сделали, а за частокोल их так и не допустили. Однако не боялась она ни лихих людишек, ни селян. Лихие — они тоже люди, и хвори их так же одолевают. А как так, то к кому? К ней, благо разницы она никогда не делала: раб божий в лечении нуждается, разве ж она может не помочь. Селяне — те только с просьбой, а если так, как сейчас, то и крепкая дверь не поможет: не сумеют вышибить — вместе с домом пожгут.

Тяжко вздохнув, она отодвинула засов и открыла дверь. В лунном свете перед ней предстал молодой человек, высокий и крепкий, голос прямо под стать ему. Смотрит на нее, улыбается, открыто так улыбается,

по-доброму, без хитрости и корысти. Видать, просто радуется тому, что бабка ему поверила и дверь отворила.

— Чего тебе? — ворчливо спросила старуха.

— Бабушка Ария, бежать вам надо. Прямо сейчас бежать. Я из села, так там на площади перед церковью староста распалается и народ заводит, чтобы пожечь вас, да вместе с внучкой. А падре рядом стоит — обвинений не высказывает, но и в защиту ни слова не проронил.

— Вот и с дочкой моей — все стоял и молчал. А ведь мы с дочкой, было дело, его с того света возвернули.

— А то вы не знаете, какова она, благодарность людская!

— Да знаю я, знаю. А ты, стало быть, решил спасти меня?

— Ну да.

— А пошто так-то?

— Бабушка, вот давай мы об том поговорим в пути. Меня ведь тоже могут начать искать. Кто ж нормальный в ночь выедет за частокол?

— А почему я тебе верить-то должна? Может, ты все и придумал... — Однако в этот момент она поняла, что ничего парень не сочиняет, потому что даже здесь было слышно, как в селе поднялся разъяренный рев толпы.

— И теперь не веришь, бабушка?

— Верю, — вздохнула старуха. — Только не понимаю я.

— Потом, все потом. Бери внучку — и в телегу. Быстро. Да вещей не бери, иначе конец и тебе, и внучке, да и мне в придачу.

Что она могла сказать на это? А нет времени что-либо говорить. Бежать надо. Схватив затихшую окончательно и только лупающую испуганными глазенками внучку на руки, она выскочила из домишки как была и повалилась в солому, постеленную на дно телеги. Парень уже был там и, как только его пассажиры оказались в повозке, тут же стеганул лошадь. Та, словно почувствовав, что сейчас решается судьба ее хозяина, а может, и ее собственная, с места взяла резвый темп, увлекая за со-

бой и телегу, и седоков. Теперь все решала скорость. Разъяренные селяне вполне могли организовать погоню, а от верхового им никак не уйти. Одна надежда: крестьяне — они не воины, побоятся в погоню пуститься. Одно дело — отойти недалеко от села, чтобы пожечь беззащитную бабку, и совсем другое — отправиться в погоню, а ведь вокруг леса, а в тех лесах лихие разбойнички.

Только с рассветом они отделились настолько, что смогли почувствовать себя в безопасности. Если бы была погоня, то уже настигла бы. А если отправятся с утра — поди найди их. За это время они успели пройти три перекрестка, да в одном месте сошли с дороги и, проехав по целине с десятков верст, вышли на совсем другую дорогу.

А паренек-то в здешних местах ориентируется дай бог каждому. Откуда?

Подъехав к опушке леса и слегка углубившись в него, парень остановил лошадь и принялся ее распрягать. Умаялась бедолага, как бы не запалить, это ж сколько она сегодня отмахала — в пару дневных переходов купеческого каравана уложится.

Закончив распрягать, парень стреножил ее и пустил пасться. Сам же быстро наломал хвороста и развел костерок. Потом достал из телеги объемистый мешок и котелок, начал доставать из него свои пожитки. Мешочек с крупой, вяленое мясо, завернутое в чистую холстину, совсем уж маленький мешочек с солью. После чего поднял глаза на бабку:

— Бабушка Ария, вы тут хозяйничайте пока, а я до ручья прогуляюсь, воды наберу — он тут недалеко.

Бабка все это время молча наблюдала за парнем, так и не сделав попытки вылезти из телеги. Тело все затекло, а еще боялась разбудить умаявшуюся внучку. Да и парень ей был непонятен. Где это видано, чтобы вот так, ни с того ни с сего, абы кому помогали, да еще когда этого абы кого обвиняли в колдовстве?

Но парня, казалось, не заботили думы, он просто по-

шел прочь искать тот самый ручей. Или не искать? Уж больно уверенно он идет.

...Когда голод был утолен, а наевшаяся до отвала внучка вновь пристроилась на коленях бабушки, Ария все же не стерпела и заговорила:

— Не признаю я тебя. А стало быть, и обязанным мне ты быть не можешь. Пошто в это дело-то ввязался?

— Так уж и не обязан?

— И места эти знаешь как свои пять пальцев, — продолжала она свои размышления, — а я ведь в округе всех знаю — почитай, все ко мне обращались. Ну и чем ты мне обязан, милоч?

— Так тем, что жив и дышу, тем и обязан.

— Я всех помню, кого пользовала, даже тех, кого единойжды видела, — твердо возразила бабка, — а вот тебя и не помню.

— А и неудивительно. Помнишь Джона Крысолова?

— Как не помнить. Душегуб был редкий. Сколько годов от стражи бегал, сколько народу извел, изверг.

— Изверг. То верно. А только когда горе у него приключилось, то не оставила ты его и помогла.

— Не помогала я ему, хвала Создателю. Вот бабе его, было дело, помогла. Она тогда от бремени разрешиться не могла — дите неправильно лежало, так и померла бы. Погоди, погоди...

— Ага, бабушка. Теперь признала? Я это, я. Ты тогда не побоялась помочь разбойнику лихому, хотя лихим он еще не был, и мамку мою сберегла, и мне помереть не дала. Так я долги всегда возвращаю — и добрые и недобрые, всем сполна воздаю.

— Знать, с отцом лихим делом промышлял, коли места эти так хорошо знаешь?

— Ходил с шайкой, не без того, только какой из меня лихой-то? Мальцом десяти годов был, когда отца моего со старухой обвенчали. А мамка померла раньше: с обрыва однажды сорвалась да шею сломала. Когда отца осудили, остался я на улице. Подобрал меня один уме-

лец, Стилетом прозывался. Знатный был убийца. Не слыжала?

— Нет.

— Ну, оно и понятно: он по городам хаживал.

— И что же, он тебя своему ремеслу обучил?

— Было дело.

— И людишек ты со свету сживал?

— И до этого едва не дошло, да бог миловал, — вздохнув, проговорил парень. — Жизнь-то — она переменчивая. Сложилось так, что оказался он по другую сторону.

— Это что же, в стражники пошел?

— Не. В стражники он не пошел. Стал он дознавателем инквизиции.

— А ты?

— А я так с ним и остался, чином, конечно, помладше. В помощниках я.

При этих словах брезгливое выражение, укоренившееся было на ее лице, сошло на нет, и теперь на парня взирали наполненные страхом глаза.

— Э-э, бабушка Ария. Ты это брось. Что же, по-твоему, как инквизитор, так сразу и на костер? То, что ты колдунья, никак не доказано, и в пособничестве нечестивцам ты не уличена, а то, что староста с молчаливого одобрения падре там на тебя возвел, ни о чем не говорит. Горе у человека, вот он и распалился.

— Значит, добром решил отплатить?

— И да, и нет.

— Как это?

— А вот так. Отплатить-то за добро — это стояще, но вот только есть еще и закон Божий. Если бы было проведено дознание и вина твоя была бы доказана, то это одно, а вот так, без суда — совсем другое. А какое дознание там можно было провести? Все кипят как вода в котле, никто рассудка слушать не хочет, падре в сторонку отошел. Да объявись я там хоть трижды инквизитором, слушать меня никто не стал бы. Оно, конечно, если бы я тебя колдуньей нарек — тогда да. А как захотел бы

дознание провести, то меня самого, чего доброго, на костер вместе с тобой определили бы.

— Значит, ты за справедливость?

— За справедливость. В том клятву Господу нашему давал, за то и на смерть пойду.

— Странный ты.

— Ага. Сын душегуба. Сам душегуб. А стою за правду. Да только мне повстречался человек, который мне глаза сумел раскрыть и путь истинный указать.

— И кто же?

— Падре Патрик, он потом еще и епископом Йоркским был.

— Это тот, которого в еретичестве обвинили, а потом на Божьем суде оправдали?

— Он, бабушка. Ты не представляешь, какой это человек. И ведь сам Господь за него. Я тогда на площади был и все видел. Шел себе человек прохожий, взял да откликнулся на зов падре, никто ничего еще и понять не сумел, а поединщик, что инквизицией выставлен был, уже лежит мертвый, в честном бою убитый.

— И как же у тебя рука поднялась на столь тобой любимого человека донос написать?

— А ты откуда...

— Поживи с мое — еще не то узнаешь. Так что? Так было?

— Не у меня, — потупившись, пробормотал инквизитор, — у брата Адама.

— Это Стилет который?

Парень только кивнул.

— А ты что же, в сторонке решил отсидеться?

— С ним я был. Да только падре такие вещи говорил, что воперек учению Церкви выходило.

— Знать, понял ты, что ошибался?

— Понял.

— А Стилет твой?

— Брат Адам он, не Стилет больше. И он понял. — Молодой инквизитор еще некоторое время растерянно смотрел на рдеющие угли костра, которые уже начали

подергиваться серой дымкой золы, но потом взбодрился и обернулся к бабке: — То дела прошлые. Ты лучше скажи, что там у тебя на самом-то деле приключилось.

— А тебе не рассказали разве?

— Все как есть рассказали, и не как инквизитору — я там и не назывался, — а как человеку стороннему. Но долг обязывает меня все стороны выслушать.

— Ишь ты. Долг обязывает. Ну так слушай. Остались бы живы и ребенок, и мамка его, если бы они, дуралеи, меня послушали. Ребенок у нее неправильно лежал, да как лежал, так и пошел, а перевернуть его у меня никак не выходило: в пуповине он запутался. Предложила я им взрезать живот мамке да и достать мальчика, а потом и живот сшили бы. Конечно, шрам бы остался, да только жива была бы и с ребеночком сейчас тетешкалась. А дуралеи эти на меня в крик. Я им — мол, со скотиной такое уже делали, когда она падала, так хоть теленочка спасти получалось, а девка здоровая, оклемается, вон воины какие раны подчас получают — и выживают. Погнали меня со двора.

— А как померла бы девка?

— А она не померла? — гневно зыркнула старуха в его сторону. — Вон мамка твоя выжила, и ты эвон какой вымахал, и она так же могла.

— Так со мной так же было?

— Так же, так же. Да только отец твой долго думать не стал. Сказал, чтобы делала, что следует. Нужно, мол, голову отрезать и назад пришить — делай, да только если с ней и ребенком что случится, он меня сразу и порешит.

— Что потом-то было? Ну с невесткой старосты?

— А что было? Погнали меня. Бабы сами стали по своему разумению роды принимать, да только роды-то непростые, а они — как заведено. Ребеночка достали, да только удавили пуповиной, а ее, бедняжку, так порвали, что кровью она изошла. Вот и вся правда.

— Сходится все.

— Что сходится-то?

— Да все сходится. Ладно, бабушка Ария, давай собираться. Лошадка отдохнула, а внучка твоя да и ты в телеге поспите. Ехать надо.

— А куда ехать-то?

— Ну назад тебе нельзя, хотя и нет на тебе никакой вины. Знаю я одно место, где тебе будут рады.

— Ишь ты, прям-таки и рады.

— Ты не насмешничай. Раз говорю, значит, знаю о чем.

Странное это было село. Странное и большое. Все дворы как по линеечке выстроены, заборы аккуратные, переулочки не вкривь и вкось, а тоже ровнехоньки. Дома сами тоже непривычные, аккуратные и все как один одинаковые — как их люди не путают? При подворьях огородики с грядками, деревья плодовые, да молодые — видно, что не так давно высажены, может, два года, может, три, но не больше, и так во всех дворах. Были и постройки для скотины да других нужд, и тоже все аккуратно так сделано, добротное, где-то что-то пристроено, а так тоже, видать, одномастно построено было. И опять — новеньким выглядит. Молодое село получалось, но больно уж большое.

А улица — та и вовсе удивила, потому как вся была отсыпана речной галькой с песком. По такой улице в самую распутицу можно и пешком пройти, и на телеге проехать и не потонуть по колени в грязи, а по краям дороги канавы, которые при въезде во дворы были перекрыты дощатым настилом, чтобы вода могла беспрепятственно стекать. Посредине села — просторная площадь, на которую главная улица выходит, а там церковь большая настолько, что может вместить не одну сотню прихожан.

Ария смотрела по сторонам и не могла насмотреться, до того все здесь было необычно и ладно устроено. Когда они подъехали к церкви села Пограничное, как назвал его инквизитор Сэмюэль, он спрыгнул на землю и, попросив ее подождать, скрылся в здании. Вскоре он

появился с седым священником среднего роста, но весьма округлых форм. Толстячок-священник ей сразу понравился — лицо у него было не просто одухотворенное, а доброе и приветливое, такие сразу располагают к себе. Вместе с ними появился и служка, который тут же юркнул в сторону, торопясь куда-то по своим делам.

— Все, бабушка, приехали, — произнес Сэмюэль. — Падре Иоанн о вас позаботится.

Они с внучкой прошли вслед за священником, который, проведя их в свои покои, озаботился скромной трапезой. Но Ария есть не стала, внучка же с детской непосредственностью набросилась на скромную еду — кусок сыра с хлебом да кружку воды.

Вскоре к падре заглянул невысокий крепыш с появившимися в волосах серебряными нитями седины и в окладистой бороде с той же редкой сединой.

— А вот и староста пришел. Быстро же тебя нашли.

— Здравствуйте, падре. Плох я был бы староста, если бы меня долго разыскивать пришлось. Звали?

— Звал, сын мой. Вот познакомься. Это Ария, она лекарка — как говорят, лекарка хорошая.

— А кто говорит-то, падре?

— Бэн, до чего же ты бываешь дотошным, — добродушно улыбнувшись и погрозив пальцем, проговорил священник. — Тебе недостаточно того, что я тебе это говорю, сын мой?

— Достаточно, падре, — тяжело вздохнул, словно ему-то есть что возразить, но делать он этого не будет, и только из-за безграничного к нему уважения. — Раз так, то пойдем, бабушка Ария, определю тебя на жительство да объясню что к чему.

— И не забудь ее представить сэру Джефу, — напутствовал его священник.

— Это как водится, падре. Только вот определю, а тогда уже. Сэр Джеф-то опять увел дружину на учебное поле, так что скоро не появится. Но к вечеру обязательно.

Когда они вышли на улицу, староста окинул старуху

и ее внучку внимательным взглядом и, кивнув своим мыслям, словно придя к какому-то выводу, проговорил, направляясь по улице и соответственно увлекая их за собой:

— Стало быть, по-горячему бежали.

— С чего ты взял?

— А как же иначе-то. Вещей у вас — только то, что на вас, даже узелка нет. Ты, бабушка Ария, не обижайся, но только со мной — как с падре на исповеди: мне здесь за порядком смотреть и ответ держать перед милордом и людьми. Пока дойдем, время есть, а не успеешь, так я и не тороплюсь.

— А что так-то? Разве дел нет?

— Дел выше головы. Да только лекарка — это дело такое, скользкое дело, а я за село перед милордом в ответе. Так что сама пойми, знать все должен.

— Твоя правда.

Ария без утайки, но весьма сжато рассказала ему о своей прошлой жизни, опуская подробности, рассказывая только в общих чертах. Не утаила и того, что произошло перед их с внучкой бегством.

— Сэмюэль, что привез нас, сказал, что нам здесь будут рады, что баронство только обустроивается и с лекарками просто беда, а барон тот о здоровье людишек сильно заботится.

— Правду сказал твой Сэмюэль. А из какого он села?

— А вот этого он не сказал, — проинструментированная инквизитором, тут же ответила бабка.

К ее удивлению, Бэн отнесся к этому заявлению с пониманием, словно иного и не ждал. Странно это было. Но, как говорится, поживем — увидим, да все и узнаем, может, и впрямь в этом нет ничего удивительного.

— Ну вот и пришли.

Бэн толкнул калитку одного из домов на соседней улице, расположенного ближе к центру села. Бабка замерла, не решаясь ступить на подворье. Так не могло быть. Те, кто жил лекарством, никогда не селились в селе — они всегда жили наособицу, за частоколом, так

как люди не терпели их рядом с собой. От лекарства до колдовства один шаг, а потому они предпочитали перестраховываться: сколько бы добра ни принесла лекарка, в ней в любой момент готовы были увидеть пособницу дьявола, а потому и среди людей таким делать нечего. А буде хворь какая приключится, так до лекарки и добежать всегда можно, а нет — так и пригласить в дом.

— Ну, чего встала-то?

— А куда ты меня привел?

— Дом это теперь твой будет. Оно конечно, дом пока принадлежит милорду, ты должна будешь за него выплатить ему полную стоимость, но это не к спеху, за два-три года осилишь, а если и впрямь лекарка знатная, так и раньше любого крестьянина управишься.

— А не боишься меня в селе селить?

— С чего бы это? Будь ты с душком, то, чай, инквизитор тебя не привел бы. А так, как говорит милорд, лекарка должна быть поближе к больным.

— А с чего ты взял, что меня привел инквизитор?

— А то нет? Но дело не мое. Вот это твой дом. Ты пока подумай, что нужно для обустройства, походи, посмотри, а вскорости к тебе придет моя жена, ей все и обскажешь. А я пойду — твоя правда, дел много.

Обходя дом, сложенный на совесть из хорошего строевого леса, подворье, не менее ладно устроенное, она была словно во сне. Внучка, пока еще не освоившаяся на новом месте, всюду следовала за ней, вцепившись своей ручонкой в бабкину юбку и затравленно оглядываясь по сторонам. Поверить в то, что этот дом, которому позавидовал бы любой зажиточный крестьянин в тех местах, откуда она убежала, — теперь ее жилище, было невозможно, но судя по всему, это было именно так.

Сам дом тоже удивил. При входе небольшая прихожая, чтобы зимой не прямо с мороза в жилье входить. За дверью прихожей что-то вроде камина, какой она видела на постоялом дворе, но точно не камин — тот больше

на очаг похож, а это вообще ни на что из ранее виденного похоже не было. Очага же нет. Здесь же на стенах были несколько полок, как видно для утвари, небольшой, но и немаленький стол, две скамьи.

Справа и слева от странного камина или не камина — две двери, которые ведут в две комнаты. Та, что слева, самая большая, а дальше еще одна дверь, за которой уже поменьше, такая же, как и справа от камина. В этих комнатах стоит по кровати, простые, из струганых досок, но должно быть удобно, когда чем-нибудь застелется. А в большой комнате и нет ничего, только у окошка, затянутого бычьим пузырем, стоит большой сундук, простой, но ладный.

По всему выходит, что стены камина должны в зиму комнаты отапливать, это ж сколько дров нужно сжечь и подумать-то страшно. И кругом чистый запах струганого дерева.

Входная дверь отворилась, и на пороге появилась небольшого росточка дородная женщина.

— Здравствуйте, бабушка Ария. Я — жена старосты, Анна. Послал меня к вам, говорит, поди разберись, что там да как, люди совсем без ничего прибыли. Так с чего начнем?

По-доброму Арию встретили только падре, староста да его жена. Остальные косились недоверчиво и даже с долей опаски. Соседи и вовсе боялись смотреть в ее сторону. Освоившаяся было внучка попыталась завести знакомство с местной ребятней, да была бита и прогнана восвояси. Потом долго плакала на груди старухи, никак не понимая, почему к ней так-то. Нет, она знала, что жить наособицу — их лекарская судьба, девочка была сообразительной не по годам, но вот только она была ребенком и все принимала с детской непосредственностью. Раз уж пустили их жить в село, то и в остальном должно быть иначе. Ан нет. Все было как было.

Погоревав на пару с бабушкой — та тоже прослезилась горю внучки, — стали жить как и прежде: вместе

уходить в лес, собирать травы да коренья, которые в скором времени могли понадобиться. Старуха была лекалкой — тем и жила, по-иному пропитание добывать не умела, а раз так, то нужно быть готовой, чтобы какую помощь оказать, да и внучку учить нужно продолжать: не станет старухи — та сама должна будет о себе позаботиться, а чему Ария могла еще научить кровинушку, как не своему ремеслу?

На следующий день к ней заглянул местный кузнец — его прислал староста, так как жена донесла, что лекарке нужен какой-то инструмент, топоры да вилы. Это хорошо, да только у нее были и иные пожелания. Опасливо сторонясь старухи, кузнец внимательно выслушал, что той требуется, а затем пригласил ее в кузню. Два дня она пробыла в кузнице, подле кузнеца, на пальцах объясняя, как переделать то или иное, что по ее заказу он мастерил. Но сладили. Так в заботах шли дни, и миновало воскресенье, а на следующий день к ней пришел падре Иоанн.

— Здравствуй, дочь моя.

— Здравствуйте, падре.

— Не заболела ли часом та, кто должна здоровье людям нести?

— Слава Господу нашему, здорова, падре.

— А если так, то почему не была на воскресной службе? Или некрещеная?

— Да как можно, падре? — возмутилась старуха. — Да только нам никогда не было ходу в церковь, только к священнику отдельно и хаживали.

— Это кто же так завел? Уж не священник ли тамошний?

— Всегда так было. И когда падре менялся, так и оставалось.

— А теперь не будет, — сказал как отрезал падре Иоанн, в один момент преобразившись из добродушного в строгого и требовательного. — Велю тебе на каждую службу приходить, и внучку приводи. — А потом, вновь подобрев, закончил: — Люди к вам с недоверием, а вы

еще и в церковь не ходите. Нужно это менять, пусть они с тобой и внучкой твоей не только по нужде общаются, но и по-доброму, по-соседски, тогда и не повторится того, что было раньше. Поняла ли?

— Поняла, падре.

— Вот и ладно. И еще. Если нужда какая, так ты не стесняйся, говори — не мне, так старосте, а лучше жене его: она лучше поймет заботы домашние. На людей не обижайся. Трудно им свыкнуться: столько нового — вот и лекарка, считай колдунья, — ухмыльнулся, — среди них живет. Ну да Господь им судья, а наше дело — изменить это.

Тогда она не поняла, о чем говорил падре, упоминая многие новшества, но постепенно, со временем до нее начало доходить, что попала она и впрямь в необычное баронство, и то, что ее определили на жительство в село, предоставив целые хоромы, хоть и не даром, но все же, было далеко не самым удивительным.

Господи, ну наконец-то монастырские земли. Вон и монастырь виден, стоит слегка наособицу от небольшого сельца, что при монастыре основал сэр Андрэ, насадив туда своих кабальных, которых повыкупали по всем маркграфствам, кого с собой купец Белтон привез — в последнее время он сильно приподнялся — да передал барону, а кого и вассалы барона привели. У кабальных иных забот не было, как обиходить монастырь да духовную семинарию при нем, в которой обучались все дети, собранные с баронства.

Сейчас-то здесь было тихо, так как в селе оставались только дети кабальных — даже в приюте, при монастыре и духовной семинарии, не было ни одного сироты: на летнее время весь приют переехал в Кроусмарш, сейчас мальчишки под руководством ветеранов постигали воинское умение, чем были весьма горды. Люди поначалу хотели было разобрать детвору по семьям да и воспитывать как своих, как оно и было заведено, — редко когда увидишь в людских землях беспризорных детей. Это

если уж совсем плохо да прижиться дите ни с кем не может: дети — они тоже разные бывают, и у каждого свой характер, подчас неуправляемый. Есть, конечно, и при монастырях приюты, но там по большей части совсем уж сироты. Бывает такое, редко, но бывает, что родня дальняя не хочет взваливать на себя лишний рот, вот и определяют таких детей в приюты при монастырях — оттуда дети в основном уходят потом в те же монастыри, но не все, конечно, если они сами оттуда не убегут до совершеннолетия.

На землях барона Кроусмарш люди жили довольно зажиточно, даже в зимнюю пору не задумывались о том, чтобы куда отправиться на приработок: приработком их обеспечивали на месте — бывало, что за зиму зарабатывали ничуть не меньше, чем с собранного урожая. Потому вопроса с приютом здесь и не стояло — люди разбирали бы всех детей по семьям, невзирая на отсутствие родства, — но барон отчего-то воспротивился этому. Больше сотни детей жили под его кровом и его опекой. Еще странность: распространялось это только на мальчиков — девочек-сироток тоже всячески привечали, да только в приюте ни одной не было, всех разбирали по семьям. Ну и в семинарии девочки не учились — худо-бедно приходские священники обучали их грамоте и Святому Писанию, на том их учеба и заканчивалась. С каждым караваном прибывали или один, или сразу несколько мальчиков, постоянно увеличивая численность приюта.

Сам сирота, Сэмюэль приглядывал за этим ревностно, правда, повлиять он никак не мог, но следил пристально, однако ничего предосудительного не видел. Всякий раз на праздники сам барон со всей семьей приезжал сюда, и хотя здесь обучался и его старший сын — в этом году минул первый год его обучения, — больше всего внимания он уделял именно сиротам, всячески стараясь выказать свою заботу. О баронессе и говорить нечего — она им всем вместо матери была, бывая здесь гораздо чаще, а не только в праздники, причем объяс-

нить это желанием повидать сына было нельзя, так как подобным же образом она себя вела и до его появления в семинарии.

А вот от того, чему учили в этой семинарии, у него поначалу даже волосы на голове зашевелились. В этом месте был самый настоящий рассадник ереси. Ну, во всяком случае, вначале он все именно так и воспринял. В селах священники тоже вели непонятные разговоры, да только там они действовали как-то исподволь, аккуратно подводя уже взрослых, сформировавшихся людей к тем выводам, о которых открыто и без утайки вели беседы со своими учениками в семинарии.

Впервые попав на подобное занятие, брат Сэмюэль едва сдержался, чтобы не отправить пространное донесение архиепископу, вернее, он-то это сделал бы непременно, но его остановили. Падре Патрик остановил, который вне баронства считался простым приходским священником в селе Новак да духовным пастырем семейства барона, а на деле держал в своих руках еще и все приходы в баронстве, и даже настоятель монастыря относился к нему с почтением, подобающим епископу, никак не меньше. Население баронства росло год от года, а вернее, чуть не ежедневно. Подумать только, в баронстве проживало уже больше пятнадцати тысяч человек, а люди все прибывали. Так вот, до людей медленно, осторожно, но неуклонно доводили тот факт, что орки — вовсе не порождения сатаны, а простые язычники, коих стоит вырвать из плена язычества и привести в лоно Церкви, что делать это нужно не огнем и мечом, а терпением и убеждением. То, что они отличаются от людей, объясняли все тем же язычеством, во мраке которого они-де живут уже многие века, еще до появления здесь паствы Господней. Что Господь, в мудрости своей, направил сюда людей, дабы они несли этим народам свет истинной веры, ибо каждая тварь на земле — творение Господа нашего.

Но люди позабыли о своем предназначении, позабыли, для чего в свое время, многие века назад, предки их

направили стопы свои в Иерусалим, и просто решили, что Господь даровал им землю обетованную, новое Царство Небесное. Однако Господь в мудрости своей свел людей с орками, не ведающими истинной веры, люди же, забыв о своем предназначении, восприняли их как врагов рода человеческого, и началась нескончаемая война, которая длилась уже не один век. Нет, они не призывали увидеть в орках братьев во Христе, ибо те не торопились встать под знамена истинной веры, но подводили к мысли, что сатана тут ни при чем. Вернее, происки сатаны-то как раз были повсюду, ибо он, одурманив разум служителей Господа нашего, поселил в их сердцах ненависть к древним жителям земли этой. Ослепленные ненавистью, они даже не пытались увидеть, насколько разны орки. В доказательство этому в каждом селе было по нескольку семей с южного пограничья, которые не таясь рассказывали о том, чему сами были свидетелями в пограничье и насколько разнятся повадки степных орков от повадок орков лесных.

Сказать, что брат Сэмюэль был в шоке, — это не сказать ничего. Но многие беседы с падре и братом Адамом, представленные факты, документы в виде древних рукописей, в том числе и рукописи самого святого Иоанна — уж как они-то сюда попали? — постепенно убедили молодого и горячего инквизитора в правдивости всего этого. Тем более что сомнению предавалось не Писание и не вера в Господа, а именно отношение к оркам.

Не один и не два месяца минуло после его появления в Кроусмарше, прежде чем его решились отпустить в другие земли. Но теперь он знал и верил в то, что ничего сатанинского в орках нет, что они просто другие, вот и все.

Понял он и то, что безжалостное преследование инквизицией всего нового несет с собой большой вред. Вот доставленный им крестьянин Бон: чего в его делах сатанинского, если он, отбирая семена от самых лучших злаков, за многие годы добился того, что зерно из его се-

мян выходило в полтора раза больше, чем у других? А его за это чуть на костер не спровадили: едва успели его умыкнуть вместе с семьей, причем против его воли, — он-то, не зная за собой грехов, хотел честно предстать перед судом. Здесь же с богатого урожая прошлого года все село Новак обеспечили необычными семенами, так что на будущий год барон планирует обеспечить семенами этого зерна уже все села баронства.

Или взять дочь старухи Арии. За что ее-то на костер, если она долг лекарский и христианский исполняла, помогая больному и ближнему? Откуда ей было знать, что тот обвинялся в ереси? Но долго разбираться не стали — вознесли на костер. А как же иначе, ведь и сама мать ее подтвердила, что дочка с нечистым водилась! А у старухи-то и выхода иного не было.

На многое теперь брат Сэмюэль смотрел иначе, многое увидел совсем в другом свете. Теперь судьба его была в том, чтобы помочь людям сбечь знания, которые люди в муках обретали, а иной раз в озарении, освященные волей Божьей. И свой долг он исполнял честно, а чаще и бесчестно — это уж как получалось.

Телега, проскрипев давно не смазываемыми колесами, втянулась во двор монастыря, и ворота за ним закрылись. Все. Теперь дома. Теперь можно говорить, не следя за каждым своим словом и не опасаясь доносов и, как следствие, ареста.

— С возвращением, брат Сэмюэль.

— Спасибо. А что, аббат Адам в монастыре?

— Вчера еще вернулся из Йорка. Все тебя выспрашивал. У себя он.

Поблагодарив монаха-привратника, инквизитор напрямик направился к своему начальнику. Оно конечно, главой всему здесь был настоятель монастыря, но только на инквизиторов он смотрел снисходительно, прощая им их обхождение, так как они только жили здесь, да и то нечасто, в основном все время проводя в разъездах, обряженные обычными людьми, и рясы не носили, так как по роду деятельности не должны были

привлекать к себе внимание. Всего их было десять человек, и старшим у них был аббат Адам, которого возвел в это звание год назад архиепископ Йоркский.

— Ну наконец-то. Я уж думал, не случилось ли чего, — встретил его радостной улыбкой аббат.

Поднявшись из-за письменного стола, за которым он работал, — новшество внесенное бароном, так было работать куда сподручнее, чем за секретером, а уж тем, у кого были проблемы с ногами, так и подавно, — он подошел к Сэмюэлю и тепло его обнял. Не было в этом ни тени наигранности, а только искренние чувства. Сэмюэль не обманывал Арию, когда рассказывал о том, что его воспитывал этот человек, воспитывал своеобразно, но все же был как отец родной — а кем у него отец-то был? — вот то-то и оно. Убийца — достойная замена лихому разбойнику, это еще разобраться нужно, кто больше жизней загубил.

— Господь миловал. Все хорошо.

— Все удалось?

— Я же говорю: все хорошо.

— Так, донесение падре потом напишешь, да смотри там не забудь, поаккуратней, незачем ему все знать. А сейчас расскажи, как все прошло, да тут уж без утайки.

— Переговорить со старухой я не успел, — пожав плечами, словно говоря, «как аббат скажет, так и будет», начал он. — Когда я прибыл, в селе несчастье случилось: во время родов преставилась невестка старосты, и тот расплылся на все село — мол, это старуха погубила и дите нерожденное, и невестку. Хотя на самом деле ей не дали спасти девку, сами и загубили, дурни. Раз уж так случилось, то я решил воспользоваться ситуацией. Мы ведь сразу думали, что она не согласится переезжать.

— Да. Странно, но при всей неприязни к лекарям они не спешат уходить с насиженных мест.

— Может, думают, что везде одинаково и не стоит искать лучшего, если есть хорошее.

— Ну, хорошим такое положение не назовешь. Но возможно, ты и прав. Продолжай.

— Дело едва не испортил местный приходский священник. Он в свое время был при смерти, и старуха вместе с дочерью вернули его буквально с того света. Дочери он помочь не смог: там вмешалась инквизиция, и он был бессилен, а вот старухе пожелал помочь и образумить селян. Но это не входило в мои планы. Я представился ему, сказав, что здесь проездом, и выказал ему удовольствие, что в их селе столь ревностно борются с ересью.

— Священник начал науськивать крестьян?

— Нет. Он просто промолчал. Вообще не сказал ни слова. Но крестьяне поняли его так, как им было выгодно.

— Понятно. Ее исчезновение с тобой не свяжут?

— Нет. Я покинул село задолго до темноты, а потом дождался, пока стемнеет, отсидевшись в лесу. К старухе приходила какая-то крестьянка, уже после моего отбытия, так что ее исчезновение со мной не свяжут. Честно признаться, мне не нравятся методы, которыми мы действуем. Я привел сюда уже четверых, и только один пошел своей волей. Вернее, пошли-то они сами, да вот только мои действия вынудили их к этому. Можно ли творить добро подобным образом?

— Важен результат. Просто помни о том, что было бы с этими людьми, доберись до них наши братья по ордену, а потом вспомни о том, как эти люди живут теперь. Волю Господа можно нести разными путями. Святая инквизиция сжигает людей на кострах и тоже считает, что несет свет веры. Ария не догадалась?

— Нет. Но, честно признаться, жаль, что мы опоздали на три года. Ее дочь сильно превзошла свою мать.

— У старухи есть внучка — она ее обучит, и знание не будет утрачено. Кстати, старуха-то как, крепкая еще?

— Крепкая, да только и внучке-то всего шесть.

— А вот тут мы ничего поделать не можем. Иди, отдохай. Даю тебе три дня, а потом снова в путь. Не смотри на меня как обиженный ребенок, сам знаешь — времени у нас не так много. Нужно торопиться.

— Мы прямо Ноев ковчег какой-то.

— Может, и Ковчег. Иди.

Аббат Адам проводил взглядом своего бывшего ученика и тяжело вздохнул. Какой талант пропадает даром. Обучая его ремеслу убийцы, он поражался его успехам: паренек все схватывал на лету и совсем скоро начинал делать то, чему его учил Стилет, гораздо лучше, чище и виртуознее. Выйди он на улицы городов в той ипостаси, к которой готовил его лучший мастер мокрых дел, — и он затмил бы своего учителя. Но не судьба. Стилет совершил ошибку гораздо раньше. А потом был епископ Патрик, и карьера молодого человека завершилась, так и не успев начаться, потому что он без оглядки последовал за своим наставником.

После распространения различных вещиц, которые явно указывали на существование Империи, он получил новое задание от архиепископа Йоркского. Дело в том, что брат Горонфло, надзиравший в свое время за селением Новак, никак не хотел успокаиваться. Вернее, он-то притих, когда барон Кроусмарш убыл в свои владения, ожидая вестей о гибели как самого барона, так и тех, кто последовал за ним. По убеждению инквизитора, они все были заражены ересью, и такая судьба была бы только закономерной. Но вышло невероятное: даже будучи преданным наемниками, сэр Андрэ сумел вывернуться и остаться в живых, мало того — он спас своих людей и сберег от набега как свое баронство, так и земли Йорка. Нападение было внезапным, и маркграфство просто не было готово к набегу. Теперь имя барона Кроусмарша было на слуху у всего маркграфства и прилегающих земель. Это никоим образом не могло порадовать брата Горонфло, который начал усиленно заваливать архиепископа прошениями о дозволении проведения дознания на территории баронства.

А вот это уже никак не входило в планы Игнатия, но и оставить без внимания настоятельные требования о проведении дознания, так чтобы не привлечь к себе внимания, он тоже не мог. Однако помня о том, что он

со своим сообщником архиепископом Баттером — а как его еще назвать — дали молчаливое благословение барону Кроусмаршу, он не направил туда брата Горонфло. Вообще-то это было бы просто идеально, но только в том случае, если бы брат Горонфло был в числе посвященных, но это было не так. Связываться в этом деле с фанатиком? Ну уж нет, Игнатий еще не выжил из ума.

Вместо него он направил туда брата Адама, благо тот был в курсе всего и отношения у него с сэром Андрэ были натянутыми. Вот только он не учел одной особенности брата Адама: тот весьма своеобразно относился к тем, кто ему нравился, например, мог попытаться его убить, просто чтобы выяснить, какова будет реакция. А реакция барона ему понравилась, хотя все могло закончиться для самого инквизитора плачевно.

Оказавшись в Кроусмарше, брат Адам в первую очередь посетил падре Патрика, и так уж случилось, что повстречал у него и сэра Андрэ. Казалось, что та встреча, что была в «Бойцовом петухе», просто продолжилась.

Он без утайки рассказал им обо всем, что приключилось с ним за то время, пока они не виделись. Рассказал и о фальшивом караване, и о плене, и о рабстве, и о побеге, сильно удивившись реакции сэра Андрэ по поводу найденного инквизитором в камышах каравана, рассказал и о том, что начали предпринимать два архиепископа. Правда, с Баттером он не встречался, и напрямую о его участии Игнатий не говорил, но дознаватель сумел сложить два и два и получить правильный результат.

Однако та встреча вновь едва не закончилась плачевно. Все дело в бароне. Он ни на фартинг не доверял инквизитору при первой встрече, не изменил своего отношения и теперь. Глядя прямо в глаза брату Адаму, он, не скрывая своего презрения и злости, проговорил, цедя слова сквозь зубы:

— Ты в свое время уже предал падре. Только не нужно говорить, что это не так. Я долго беседовал с падре, я

вижу тебя насквозь, как рентген. Не смотри на меня такими глазами.

— А что это такое? Рентген? — искренне удивился Адам.

— Кто о чем, а вшивый — о бане.

— При чем тут вши?

— Да ни при чем. Хочешь сказать, что я лгу?

— Нет. Донос был написан мною, — признал инквизитор, понимая, что либо между ними будет полное доверие, либо они попросту не смогут договориться.

— Успокойся, сын мой. — Падре положил руку на плечо сэра Андрэ, охлаждая его пыл. — Я не так уж и глуп и всегда знал, кто написал тот донос. — Эти слова заставили удивиться обоих его собеседников. — Но это не было предательством. Я привел Стилета в лоно Церкви и сделал его ревностным ее служителем. Как он мог реагировать на мои высказывания, последовавшие позднее? Он просто выполнял свой долг, вот и все. И когда он пытался организовать мой побег, он был столь же искренен и довел бы задуманное до конца. Вот только тогда чувства у него возобладали над разумом, и он просто позабыл, на что по-настоящему способна Святая инквизиция, когда она поистине хочет найти того, кто им нужен. Я же об этом не забывал и понимал, что вместе со мной погибнет и он. Я решил просто довериться воле Господа нашего, и Он выказал ее, послав тебя, сын мой. И чем дольше я нахожусь подле тебя, тем больше убеждаюсь в мудрости Его и безграничной силе. Оставь эти мысли. Брат Адам никогда не предавал меня.

Тогда сэр Андрэ поверил падре или сделал вид, что поверил, не суть важно. Он стал подробно расспрашивать Адама о всех деталях произошедшего с ним. После двухчасовой беседы он отчего-то взбодрился. Это обстоятельство несколько удивило его собеседников.

— Извини, сын мой. Но не подскажешь ли, что тебя так вдохновило в рассказе Адама, что ты так воспрянул?

— А разве вы еще не поняли? Господи, да все просто как день. Ну вот смотрите. Есть император Гирдган, ко-

тому до разреза нужно без проблем пройти сквозь степи кочевников, он готов заплатить кочевникам, если они пойдут ему навстречу, и готов заплатить, много, по-императорски, не скупясь.

— И чего в этом хорошего? — удивился брат Адам. — Они возьмут дары — и войско беспрепятственно пройдет к нам.

— Э-э, не-эт. Не все так просто. Степняки имеют общего вождя?

— Нет, — ответил инквизитор.

— Значит, императору нужно будет договариваться сразу с несколькими вождями и ублажать их всех, а это может оказаться очень дорого. Но против императора выступают его же подданные — не открыто, но они всячески будут мешать ему. Во-первых, это работоговцы, подобные тому, у которого ты был, и обычные торговцы живым товаром. Во-вторых, это торговцы, которые крепко завязаны на торговле со степняками: у них тоже немалую долю дохода составляет торговля рабами из людей — если не большую, при таких-то ценах. В-третьих, сами степняки, которые тоже имеют большую прибыль от торговли людьми. А император хочет в одночасье порушить уже веками устоявшиеся отношения.

— Ты хочешь сказать, что Империя не придет и степь все так же стоит заслоном между нами и нею?

— Нет, падре. Империя все равно придет. Вот только произойдет это не на следующий год и даже не через год. Я думаю, что года два у нас есть точно. Если только императору не надоест эта мышьяная возня и он не набросится на степняков, чтобы проломиться к нам. Но тогда мы об этом узнаем. Но и в этом случае у нас будет как минимум еще год. В зиму, конечно, можно выйти в поход, да вот только зимы здесь настолько суровы, что вряд ли он отважится на подобный поход в отрыве от своих баз снабжения. — Поняв, что вновь сказал нечто непонятное, он отмахнулся от немых вопросов: — Не

обращайте внимания. Вы ведь поняли, что я хотел сказать? Вот и прекрасно.

— И что ты намерен делать, сын мой?

— То, чего от меня и хотят архиепископы Йоркский и Саутгемптонский. Готовиться к войне и ковать оружие. Но только, коли уж у меня появилась фора по времени, делать я это буду более основательно, чем задумывал раньше. Ваша же задача, брат Адам, состоит в том, чтобы Святая инквизиция как можно дольше не совала сюда нос, потому как далеко не многие знают о том, что происходит на самом деле.

— С чего вы взяли, что можете отдавать мне приказы? — возмутился дознаватель.

— А я и не пытаюсь вам приказывать, — пожал плечами сэр Андрэ. — Либо мы делаем одно дело, либо не делаем. Вот и все. Я лишь предлагаю равноценный союз. С одной стороны — я, моя задача — в подготовке войска и его снабжения. С другой стороны — падре, он должен будет позаботиться о крепости духа паствы и доведении до них настоящего положения дел, так чтобы не поднялся бунт и нас всех не вознесли на костер в праведном гневе. И с третьей — вы, ваша задача состоит в том, чтобы инквизиция не совала свой нос в наши дела и не порушила наших начинаний. Вот как-то так, а иначе и пытаться нечего.

— Вы настолько уверены в своих словах?

— Хорошо, давайте посмотрим на это иначе. То, что задумали архиепископы, внесет смущение в умы паствы, умные люди сделают правильные выводы, но чем это закончится, если Церковь останется в стороне от этих начинаний? Кострами. Будет много, много костров — и еще больший страх в сердцах людей. Все. Иного такими методами они не добьются. Да, люди будут перешептываться, поползут различные слухи, но священники, которые должны сказать свое веское слово, станут либо отмалчиваться, либо с завидным упорством талдычить о том, что все это происки нечистого и его слуг орков.

— И что же предлагаете вы?

— Я предлагаю закрыться в Кроусмарше, всех впускать и никого не выпускать отсюда. Я уж позабочусь, чтобы людям здесь жилось лучше, чем там, откуда они придут, — настолько лучше, что они сами не захотят отсюда уходить. Торговлей займется мой друг, других торговцев я сюда просто не пущу. Это будет выглядеть нормально, учитывая то, что он едва не разорился, поддерживая меня в моем начинании, теперь же, чтобы отплатить ему, я замкну всю торговлю на нем: хотят торговать нашим товаром — пусть покупают у него и кусают локти, раз оказались столь недальновидными. Полная изоляция. И в условиях такой изоляции — работа священников: уверен, что у падре найдутся единомышленники, в особенности из тех, кто знает об Империи. Некоторые уже прибыли, а скоро прибудет и тот, кто станет настоятелем монастыря Святого Иоанна. А вот безопасность — уже ваша епархия, и как этого добиться — решать вам.

В тот раз брат Адам сумел найти в себе силы поверить сэру Андрэ. Он систематически отправлял с голубиной почтой донесения в епархию, упирая на то, что ничего предосудительного, за исключением дозволенного, в Кроусмарше выявить не удастся. Иногда, примерно раз в месяц, он лично выезжал в Йорк, чтобы встретиться с архиепископом и в личной беседе сообщить то, чего не мог доверить бумаге. Конечно, он сообщал только то, что не могло возбудить в Игнатии подозрений по поводу того, что в Кроусмарше помимо дозволенной вольницы происходит еще что-то. Именно с благословения архиепископа брат Адам полностью закрыл баронство для посещения посторонними, так как будоражащие слухи, да еще и сильно приукрашенные, поползли бы по стране, а это было нежелательно.

Памятуя о трудностях, с которыми столкнулся брат Горонфло, а также о том, что полностью изолировать баронство сложно, Адам испросил помощи, и ему было дозволено набрать пять помощников.

ВОИНСКИЕ ЗВАНИЯ И ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ В АРМИИ ЗАКУРТА

Солдат. Гребень отсутствует. Исключение — вестовые, у которых скорее поперечная кисть, а не гребень, расцветка указывает на уровень непосредственного начальника.

Тотем. Командир *десятка*. Черный поперечный гребень.

Копье. Командир *тула* (51 солдат). Красно-черный поперечный гребень.

Кнут. Фактически заместитель командира *цербы* (два тула — 105 солдат и офицеры), последнее звание перед офицерским. Красный поперечный гребень.

Цербен. Командир *цербы* (два тула — 105 солдат и офицеры). В коннице — командир *конного пила* (51 солдат). Черный продольный гребень.

Ратон. Командир *турбы* (три цербы — 336 солдат и офицеры) или эска (105 солдат и офицеры), также есть *вспомогательная турба* (лучники, три цербы) и *арт-турба* (десять катапульт и десять баллист). Черно-красный продольный гребень.

Прайдер. Командир *прайда* (три турбы) или *конного прайда* (три эска). Красный продольный гребень.

Гебер. Командир *пикты* (четыре прайда пехоты: *парачи, гесты, прокты, траки*). Также имеется *арт-турба* (метательные машины), *вспомогательная турба* (лучники), *конный прайд*. Продольный красно-белый гребень.

Командующий. Звание непостоянное, зависит от назначения, применяется при использовании двух и более пикт, присваивается Всевластным. Продольный белый гребень.

Всевластный. Фактически главнокомандующий. Ярко-желтый (императорский цвет в Закурте) продольный гребень.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Бабка Ария	5
<i>Глава 2.</i> «Хочешь мира — готовься к войне»	35
<i>Глава 3.</i> Поход на Францию	83
<i>Глава 4.</i> Тучи сгущаются	136
<i>Глава 5.</i> Враг у порога	178
<i>Глава 6.</i> Предательство	203
<i>Глава 7.</i> Бой у Бачбилли	230
<i>Глава 8.</i> Черная Смерть	262
<i>Эпилог</i>	297
Воинские звания и знаки различия в армии Закурта	309